

Посвящается Люси

*All the promises that we made,
it means nothing.*

GERSEY, IT MEANS NOTHING

1

Лидия

Джеймс пьян. Или под кайфом. А может, и то и другое. Уже три дня как с ним невозможно поговорить. Он только и делает, что развлекается на затянувшейся вечеринке у нас дома, одну за другой опустошая бутылки, и ведет себя так, будто ничего не произошло. Не понимаю, как он так может. Похоже, его совершенно не волнует, что наша семья окончательно развалилась.

— Думаю, он так скорбит.

Я покосилась на Сирила. Он единственный знал о случившемся. Я рассказала ему обо всем в тот вечер, когда Джеймс нанюхался наркоты и на глазах у Руби целовался с Элейн. Кто-то должен был помочь мне дотащить Джеймса до дома, чтобы Перси с отцом не поняли, в каком он состоянии. Поскольку наши семьи тесно дружили, мы с Си знакомы с самого детства. И хотя отец взял с меня обещание никому не рассказывать о смерти мамы до официального сообщения в прессе, я понимала, что ему-то могу довериться и он сохранит нашу тайну — даже от Рена, Кешава и Алистера.

Без его помощи я бы не перенесла эти дни. Сирилу удалось уговорить отца оставить Джеймса в покое хотя бы на пару дней. Ребятам же он дал понять, что пока не нужно

задавать лишних вопросов. Они держались, но я чувствовала: с каждым днем им все сложнее видеть, как Джеймс себя гробит.

Пока брат делал все, чтобы затуманить свой рассудок, я думала лишь о том, что теперь будет со мной. Мамы больше нет. Матери Грэхема тоже — уже семь лет как ее не стало. Малыш в моем животе остался без бабушек.

Серьезно, эта мысль непрерывно крутилась в голове. Вместо скорби я размышляла о том, что мой ребенок никогда не познает объятий любящей бабушки. Да что со мной такое?

Но я ничего не могла с этим поделать. Мысли жили своей жизнью — они крутились одна за другой, пока я окончательно не утонула в кошмарных сценариях будущего и у меня не возникло такого сильного страха, что я не смогла больше думать ни о чем другом. Три дня я находилась в состоянии шока. Возможно, что-то внутри во мне и в Джеймсе сломалось, когда отец сообщил нам о смерти матери.

— Не знаю, как ему помочь, — прошептала я, наблюдая за тем, как Джеймс опустошает стакан с алкоголем. Было больно смотреть, как он страдает. Это не может продолжаться вечно. Рано или поздно ему придется вернуться к реальности. И, по-моему, на свете есть только один человек, который сможет в этом помочь.

Я в очередной раз взяла телефон и набрала номер Руби, но она снова не взяла трубку. Хотела бы я на нее разозлиться, но не могла. Если бы я застучала Грэхема с другой, мне бы тоже больше не захотелось иметь ничего общего с ним или его окружением.

— Ты опять ей звонишь? — спросил Си, скептически взглянув на телефон. Я кивнула, и он неодобрительно нахмурил лоб. Его реакция меня не удивила. По мнению Сирила, Руби просто охотница за состоянием, нацелившаяся

яся на наследство Джеймса. Я понимала, что это не так, но, если у Сирила сложилось негативное мнение о ком-то, убедить его в обратном крайне сложно. Так он заботился о друзьях.

— Джеймс никого из нас не слушает. Думаю, Руби смогла бы помешать ему окончательно слететь с катушек. — Собственный голос звучал незнакомо — холодно и глухо. Вот только внутри все было не так, я жутко переживала.

От боли я едва держалась на ногах. Тело как будто связали веревками, и все эти дни я не могла распутать ни одного узла. Мысли кружились каруселью — эта карусель не останавливалась и с нее невозможно было спрыгнуть. Все казалось бессмысленным, и чем больше я сопротивлялась нарастающему бессилию, тем сильнее оно сковывало меня.

Я потеряла одного из важнейших людей в жизни. Не знала, как справиться с этим одной. Я *нуждалась* в брате. Но Джеймс только и делал, что искал забвения и рушил все, что попадалось ему на пути. Отца я видела в последний раз в среду. Сейчас он в отъезде, встречается с адвокатами и консультантами, чтобы определить дальнейшую судьбу компании «*Бофорт*». На мамины похороны у него совсем нет времени — для этого он нанял специалиста по имени Юлия, которая постоянно является в наш дом без спросу, будто она член семьи.

При мысли о маминых похоронах сжалось горло. Стало нечем дышать, в глазах началось жжение. Я резко отвернулась от Сирила, но скрыть расстройство не вышло.

— Лидия... — прошептал он и мягко взял мою руку.

Я отдернула ее и, не говоря ни слова, вышла из зала. Ребята не должны видеть, как я плачу. Рано или поздно терпение у них кончится, и они, несмотря на предупреждение Сирила, станут задавать вопросы. Они ведь не дураки. Джеймс еще никогда не вел себя так странно. Даже если и позволял

себе лишнего, то всегда знал, когда пора остановиться. Друзья давно поняли, что произошло нечто страшное, и стали вести себя иначе. Кешав прятал одну за другой бутылки из бара, а Алистер «невзначай» смыл в унитаз несколько граммов наркотиков Джеймса.

Я не могла дождаться, когда придет конец этой скрытности. Через несколько минут, ровно в пятнадцать часов, обнародуют новость о маминой смерти, и тогда об этом узнают не только ребята — но и весь мир. Я уже представляла заголовки в газетах и репортеров, толпящихся у дома и школы. Меня начало тошнить, и я, шатаясь, пошла вдоль коридора, пока не оказалась в библиотеке.

Тусклые лампы освещали бесчисленные стеллажи, на которых стояли старинные книги в кожаных переплетах. Передвигаясь по комнате на ватных ногах, я держалась за полки. Позади у окна разместилось дизайнерское кресло, обитое красным бархатом. В детстве это было мое любимое место в доме. Я забиралась сюда, когда хотела отдохнуть — от ребят, от отца, от завышенных ожиданий, неизбежных, если твоя фамилия *Бофорт*.

От вида кресла слезы полились сильнее. Я упала на мягкую обивку, подтянула ноги и обхватила их руками. Уткнувшись лицом в колени, я тихо плакала.

Все вокруг казалось таким нереальным. Словно кошмарный сон, из которого я смогу выбраться, стоит только постараться. Я хотела бы вернуть то лето, полтора года назад, когда мама еще была жива, а Грэхем мог обнять, если мне плохо.

Вытирая одной рукой глаза, второй я достала из кармана телефон. Когда разблокировала экран, то обнаружила на ладони черные следы туши для ресниц.

Я зашла в контакты. Как и раньше, номер Грэхема находился прямо под номером Джеймса в избранных, несмотря

на то что мы не созванивались уже несколько месяцев. Он не знает о ребенке и тем более о том, что моя мама умерла. По его просьбе я больше не звонила ему. До сих пор еще ничто не давалось мне с таким трудом. В течение двух лет мы общались чуть ли не каждый день — и вдруг наше общение прекратилось.

Казалось, что я в завязке. А теперь... рецидив.

На автомате я нажала на вызов и, затаив дыхание, стала вслушиваться в гудки. И тут они прекратились. Я закрыла глаза. Возникло чувство, что я вот-вот утону в бессилии, которое так давно мучило меня.

— Больше никаких звонков. Как договорились, — тихо сказал он. Его мягкий, хриловатый голос стал последней каплей. Мое тело сотрясло от рыданий. Я закрыла рот рукой, чтобы Грэхем не услышал этого.

Но было поздно.

— Лидия?...

Я услышала тревогу в его голосе, но не могла ничего произнести, лишь мотала головой туда-сюда. Дыхание участилось и стало прерывистым.

Грэхем не клал трубку. Он оставался на линии и успокаивал меня. Слышать его было, с одной стороны, невыносимо, а с другой — невероятно приятно, и я сильнее прижала телефон к уху. Думаю, голос — одна из причин, почему я в него влюбилась — задолго до того, как мы в первый раз увиделись. Я вспомнила наши телефонные разговоры по несколько часов, вспомнила, как болело мое ухо, а бывало, что я просыпалась — а Грэхем все еще был на трубке.

С ним всегда спокойно. В течение долгого времени он был моей каменной стеной. Благодаря ему я смогла порвать с Греггом и снова двигаться вперед.

И хотя сейчас я была полностью опустошена, возникло особое чувство — защищенности. Его голос помог немного

прийти в себя. Не знаю, сколько я так просидела, но слезы постепенно иссякли.

— Что стряслось? — наконец он задал вопрос.

Я не могла ответить. Мне удалось выдавить лишь вымученный стон.

С минуту он молчал. Я несколько раз слышала, как Грэхем набирал воздуха, собираясь что-то сказать, но в последний момент сдерживался. Когда он снова заговорил, его голос был наполнен болью:

— Больше всего на свете я хотел бы сейчас приехать к тебе.

Я закрыла глаза и представила, как он сидит у себя в квартире, за деревянным столом, таким старым, что тот того и гляди развалится. Грэхем называет такие предметы мебели «антикварными», а на самом деле стол просто старый — он подобрал его на помойке и покрыл лаком.

— Я знаю, — пробормотала я.

— Но ты же понимаешь, что я не могу?

В зале что-то упало и разбилось. Я услышала звон стекла, и кто-то громко вскрикнул. То ли от боли, то ли от веселья, не могу сказать точно, но этот крик привел меня в чувство. Я не могла допустить, чтобы Джеймс еще и поранился.

— Прости, что позвонила, — прошептала я срывающимся голосом и бросила трубку.

Сердце колотилось, когда я покинула этот укромный уголок, чтобы взглянуть, все ли в порядке с братом.

Эмбер

Моя сестра больна.

При обычных обстоятельствах я бы сказала, что ничего особенного — в конце концов, на дворе декабрь, на улице

минусовая температура, и, куда бы ты ни пришел, везде будут кашлять и шмыгать носом. Поэтому лишь вопрос времени, когда ты подхватишь вирус.

Да вот только дело в том, что моя сестра никогда не болеет. Правда.

Когда Руби три дня назад пришла домой поздно вечером и, не сказав ни слова, ушла спать, я не обратила на это внимания. В конце концов, у нее только закончился марафон собеседований в Оксфорде, что, естественно, выматывает не только морально, но и физически. Но когда на следующий день она заявила, что простудилась и не пойдет в школу, я заподозрила неладное. Кто знаком с Руби, тот знает, что она даже с температурой потащится на уроки, боясь пропустить что-нибудь важное.

Сегодня суббота, и я не на шутку беспокоюсь. Руби почти не выходит из комнаты. Она лежит в кровати, читает книги одну за другой и делает вид, будто в ее красных глазах виноват насморк. Но меня не проведешь. Случилось что-то ужасное, и я схожу с ума оттого, что она не рассказывает что.

Я подглядываю в щелку двери, как она помешивает ложкой суп, так и не притронувшись к нему. Не припомню, чтобы хоть раз видела ее в таком состоянии. Бледная, под глазами круги, которые день ото дня становятся все темнее. Немытые нечесанные волосы прядками спадают на лицо, и на ней та же одежда, что и вчера, и позавчера. А ведь обычно Руби — воплощение элегантности. Не только когда дело касается планера или школы, но и внешнего вида. Я и не знала, что у нее есть эти растянутые шмотки.

— Прекрати торчать у меня под дверью, — внезапно сказала она, и я вздрогнула, застигнутая врасплох. Ну и сделала вид, будто как раз собиралась зайти к ней.